18+

НИКИТА КОЧУБЕЙ

ЗОЛА

ТРИЛЛЕР

Никита Кочубей
Зола

https://litres.ru/74928487
ISBN 9785007172912

Аннотация

Лео Грей был лучшим следователем участка на Кентиш-Таун — до той ночи, когда на Гринвич-роуд сгорел синий фургон. Поджигателя прозвали Спичкой, дело закрыли на чужих костях, и город зажил спокойно. Три года спустя в Лондоне снова загораются люди. По понедельникам. По списку. Лео уверен, что убийца — он сам, но так ли все просто?

«Зола» — детектив о памяти, которую кто-то ведёт чужой рукой, и о справедливости, которую кто-то пересчитывает по понедельникам.

Содержание

ЗОЛА 5
роман в четырёх томах 6
ОГЛАВЛЕНИЕ 7
Том I. Дыра 8
Том II. Почерк 9
Том III. Термос 10
Том IV. Спичка 11
Том I. Дыра 12
Глава первая. Пепел на ветровом стекле 13
Глава вторая. Протокол 17
Глава третья. Дом с фонарём 20
Глава четвёртая. Второй Огонь 23
Глава пятая. Серое пальто 26
Глава шестая. Пять рукописей 29
Глава седьмая. Соня 32
Глава восьмая. Завтра в девять 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Зола

Никита Кочубей

© Никита Кочубей, 2026

ISBN 978-5-0071-7291-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОЛА

роман в четырёх томах

«Память — это месть, которая живёт дольше человека»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I. Дыра

Глава первая. Пепел на ветровом стекле
Глава вторая. Протокол
Глава третья. Дом с фонарём
Глава четвёртая. Второй Огонь
Глава пятая. Серое пальто
Глава шестая. Пять рукописей
Глава седьмая. Соня
Глава восьмая. Завтра в девять

Том II. Почерк

Глава девятая. Спичка
Глава десятая. Трое
Глава одиннадцатая. Диспетчер
Интерлюдия «Глазок»
Глава двенадцатая. Дувр
Глава тринадцатая. Двойники
Глава четырнадцатая. Порог
Интерлюдия «Орхидеи»
Глава пятнадцатая. Тетрадь «Руки»
Глава шестнадцатая. Ночь напротив
Глава семнадцатая. Камера
Интерлюдия «Телефон»

Том III. Термос

Глава восемнадцатая. Плёнка
Глава девятнадцатая. Письмо Грина
Глава двадцатая. Четыре минуты
Глава двадцать первая. Уоркинг-стрит
Глава двадцать вторая. Джеральд
Глава двадцать третья. Кофе и бумага
Глава двадцать четвёртая. Кофе
Глава двадцать пятая. Ноль часов
Глава двадцать шестая. Тетрадь
Глава двадцать седьмая. Мёртвый и живой
Глава двадцать восьмая. Десять дней

Том IV. Спичка

Глава двадцать девятая. Поля
Глава тридцатая. Понедельник
Глава тридцать первая. Четырнадцатый огонь
Глава тридцать вторая. Чистая арифметика
Глава тридцать третья. Гринвич-роуд
Эпилог. Пирожные
Сорок второй день

роман в четырёх томах

Том I. Дыра

Глава первая. Пепел на ветровом стекле

Три года назад Лео Грей хорошо спал. Тогда у него была квартира на Кингс-Кросс, история про Габсбургов на прикроватной тумбочке — так и не дочитанная, застрявшая на 1815 году, — и запах кофе, которым жена Сара будила его по утрам. Тихо, без будильника. Как будто время принадлежало только им двоим.

Теперь будильник не нужен. Теперь он почти не спит.

Он сидел в припаркованной машине напротив дома номер четырнадцать по Челси-Гарденс и ждал. Руки в перчатках, термос с кофе остыл два часа назад — стоял в подстаканнике, стальной, синий, с царапиной на крышке. Соня дала его месяц назад: «Вы такой серый, Лео, пейте, там ромашка». Термос хранил тепло плохо, и Лео за это его не любил.

Свидетелей не было. Двор пустой, только дождь методично выбивал из липы последние листья, и листья эти были цвета старой золы.

«Преступник не оставляет следов, — говорил ему когда-то инспектор Марлоу, ещё когда Лео был восходящей звездой отдела, человеком, который раскрывал то, что другие сдавали в архив. — Он оставляет только запах».

— Запах? — спросил тогда Лео.

— Страха, сынок. Страха. Умей его читать — и преступник сам тебя найдёт.

Страх Лео выучил наизусть — в ночь, когда фургон «Форд» на Гринвич-роуд вспыхнул, как бумага. Сара за рулём. Милли, шести лет, в детском кресле, с наклейкой звезды на подлокотнике — «лучшая читательница класса». Они погибли за четыре минуты до того, как прибыл его наряд. Он знал все четыре минуты. Секунду в секунду он их помнил.

Поджигателя прозвали Спичкой. Газеты. Спичка убивал семью за семьёй, возил канистры в багажнике и сжигал их в машинах — на парковках, в подземных гаражах, на пустырях у Доклендс. Лео шёл по следу тридцать один день. На тридцать второй Спичка понял, что детектив, который почти наступает ему на пятки, живёт с женой и дочкой — и что дешевле отрезать хвост.

Через год Спичку объявили погибшим: нашли обгоревший каркас мастерской, останки, ДНК совпало. Дело закрыли. Символическая точка, сказали в участке, несмываемая, красивая.

Лео в это не поверил. Мёртвые не оставляют записок, а Спичка оставил: в кармане первого сгоревшего — короткую, будто наслаждающуюся свою писанину. Мёртвые не выбирают красивых точек. Мёртвые вообще ничего не выбирают — их выбирают за них.

Поэтому он сидел теперь у дома номер четырнадцать и ждал человека, который три недели назад прислал ему от-

крытку без подписи. На открытке был только рисунок: маленькая машина с огоньками, едущая по ночному городу. Почерк — дрожащий, стариковский. Или притворяющийся стариковским. Лео не мог решить, что хуже.

В 23:40 человек вышел из подъезда. Высокий, в сером пальто, воротник поднят. Он свернул в переулок, и Лео пошёл за ним, и шаги его звучали в переулке так ровно, будто переулок сам подставлял под ноги свои плиты.

Дальше память стыла на ходу. Лео помнил, как человек остановился у мусорных баков. Помнил, что сказал ему — или не сказал. Потом была тишина, какая бывает не в переулках, а в ушах, — и всё.

Утром его разбудил стук по стеклу.

— Сэр? Вы здесь всю ночь? — констебль был молод, лицо розовое от холода. — Вы понимаете, что это место преступления?

Лео посмотрел на себя в зеркало. Костюм заляпан грязью, правая перчатка — в тёмном пятне, которого он не мог вспомнить. Он поднял крышку термоса: кофе холоден до последней капли. Опять. Термос всегда остывал быстрее, чем шла ночь, — а ночь длилась неизвестно сколько.

— Я тут работал, — сказал он.

— Всю ночь, сэр?

— Всю ночь.

Во дворе, у мусорных баков, санитары накрывали что-то брезентом. Оттуда пахло — Лео знал бы этот запах из тыся-

чи. Палёная кожа. Палёное дерево. Палёный мир.

Он стоял и смотрел, как брезент колышется на ветру, и думал о том, что рисунок на открытке был подписан не только адресом. На обороте, мелко, кривыми буквами, было написано одно слово. Он не сказал его никому.

«Скорио».

Он уже тогда — в то утро, в то самое утро — не помнил, когда получил открытку. Просто она была. Как была ночь. Как было пятно на перчатке.

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось: «Соня».

— Лео? — голос был мягкий, чуть хриплый от сна. — Ты где? Я как раз проезжала мимо, решила заглянуть. У нас срочно.

Он ещё не знал адреса — смотрел на табличку через лобовое стекло.

— Челси-Гарденс, — сказал он. — Четырнадцать.

— Уже еду, — ответила Соня без паузы, без вопроса, без единой секунды удивления, будто адрес она держала наготове всю ночь.

Лео так и не спросил себя тогда — почему. Это было первое зерно. Оно легло в лунку и ждало.

Глава вторая. Протокол

«Потерпевший: Дэйв Кинэйр, 61 год. Работал мойщиком могильных камней. Обнаружен в 05:12 дворником. Предварительная причина смерти — не установлена. Тело обгорело».

Лео читал это и понимал, что читает чужой протокол. Не потому, что дело не его — дело было его, он подписал его своей рукой в 07:30. А потому, что между подписью и сейчас была дыра. Восемь часов дыры.

Он сидел за своим столом в участке на Кентиш-Таун и смотрел, как за окном проезжают красные автобусы, и слово «обгорело» отражалось в его зрачках.

— Пить будете? — Соня Рейн поставила перед ним стакан воды, не спрашивая, и села напротив. Молодая, тёмные волосы в свободном узле, светло-серая кофта с закатанными рукавами. Аналитик. Единственная во всём участке, кто разговаривал с ним дольше двух минут. — Сэр. Лео. Простите.

— Просто Лео, — сказал он. — Как всегда.

— Как всегда, — улыбнулась она.

— Напишите в протоколе: «предварительная причина смерти — не установлена», — сказал Лео. — Не пишите «сожжён». Не пишите ничего со слов фантазёров. Найдём источник огня — напишем.

— Уже написали. Свидетельница с третьего этажа гово-

рит, видела человека в сером пальто у баков. Около полуночи. Описала как «мужчина, высокий, шатался, как пьяный».

Серое пальто. У Лео было серое пальто. У половины Лондона серое пальто, сказал он себе. Половина Лондона не спала и шаталась, как пьяная.

— Она запомнила лицо?

— Не разглядела. Тени. Но сказала одну деталь. — Соня перелистнула блокнот. — Мужчина наклонился над потерпевшим и поправил ему… как она выразилась… «доверительно», воротник. Как будто приводил в порядок одежду.

Лео почувствовал, как в затылке что-то оборвалось. Он не видел человека у баков. Он ничего не помнил с полуночи. Но он валился в переулок — и, значит, стоял над Кинэйром, наклонялся, поправлял ему воротник. Как примеряющийся. Как подбиральщик. Как тот, кто убирает на месте убийства — из вежливости.

— Лео, — тихо сказала Соня. — Вы бледный.

— Я всегда бледный.

— Не так бледный.

Она положила руку поверх его тетради — не на его руку, на тетрадь, как будто знала, что прямое прикосновение он сейчас не вынесет. Пальцы узкие, спокойные.

— Вы работали без сна три ночи подряд, — сказала она. — Пойдите домой. Я доделаю сводку. Я умею.

Он не пошёл домой. Он остался и читал дело Кинэйра до вечера, и всё время в боку его, как заноза, сидела мысль: она

сказала «я доделаю сводку». Но сводку делал он. Она её не видела. Откуда она знала, что сводка есть?

Он отогнал мысль. Мысль была злая, невежливая, — и ещё, если честно, немного радостная: злой мыслью было проще жить, чем дырой в памяти.

Вечером он купил в ларьке сэндвич и бутылку дешёвого виски, сел в машину и смотрел, как зажигаются окна Кэмдена. Потом уплыл. Потом проснулся на парковке у Тоттенхэм-Хейл — за рулём, с ключами в замке зажигания, с запахом палёного в волосах.

В кармане нашлись чужие ключи. Он их выбросил в урну. Потом не вспомнил, куда.

Глава третья. Дом с фонарём

Раз в неделю — по средам — Лео ездил на Гринвич-роуд. Не надо было. Он не должен был туда ездить: в участке его за это вежливо ругали, в психиатрической карточке писали «обсессивный паттерн». Но ноги сами знали дорогу: автобус 188, остановка «Гринвич-Чёрч-стрит», потом пять минут пешком, мимо ларька, где он покупал у Сары клубнику, мимо скамейки, где Милли кормила голубей, мимо старого ожога на асфальте — тёмного пятна, которое не смыли за три года.

Дом стоял на месте. Новый жилец, старый почтовый ящик, та же липа. Фонарь напротив мигал — всегда мигал, с той ночи. Электрики меняли его дважды. Он всё равно мигал.

Лео говорил с домом молча. Иногда рассказывал новости: «Гринвич-риверсайд перекрыли», «нашёлся пропавший мальчик». Иногда просто стоял. Дождь стекал по его воротнику, и он не замечал.

В ту среду он стоял дольше обычного. В кармане у него лежала открытка — та самая, с машиной. Он смотрел на маленькие огоньки, на кривые колёса и думал: кто рисует такой рисунок? Ребёнок. Или старик. Или человек, который специально рисует, как ребёнок, — чтобы не заподозрили мастерства. Спичка был слесарь. У него были руки, но не было

рисовальной манеры. Лео видел его вещдоки: записки, где буквы скребли бумагу, злые, торопливые.

Мимо прошла пара с собакой. Собака — лабрадор, белый, старый — вдруг упёрлась и заскулила, глядя на Лео.

— Идём, Чарли, — сказал мужчина.

— Нет, — сказал Лео тихо, самому себе. — Идём, Чарли. Оно право.

Лабрадоры не скулят на пустое место, думал он. Лабрадоры чуют страх. От него, Лео, сейчас пахло страхом — или тем, что хуже страха. Тем, что осталось от пожаров, от трёхлетней давности, от ночи, которую он помнил секундами.

Дом напротив мигал фонарём. Миг. Тьма. Миг. Тьма. Как чей-то пульс, потерявший ритм.

На обратном пути, у автобусной остановки, он встретил Соню. Она ехала тем же маршрутом — «как раз за документами».

— Вы живёте на Гринвич-роуд? — спросил он.

— Далеко, — ответила она. — В Гринвиче. Улица — другая.

— Какая?

— Тихая, — сказала она и улыбнулась, и он вдруг понял, что ни разу не был у неё дома, хотя она три года — каждый день за его спиной, с термосом и сводками.

Он не пошёл за ней в автобус. Он остался на остановке и подумал, что с ним вообще-то странно: человек, который умеет читать чужие лица как билеты, не прочёл за три года

лица человека, который каждое утро ставил ему кофе.

Может, потому, что у Сони лицо не читалось. Гладкое. Словно бы и не лицо вовсе, а обложка.

Глава четвёртая. Второй Огонь

Третье тело нашли в понедельник — сварщика, Хью Доуэра, сорока восьми лет. Гараж в Уолтемстоу. Дверь открыта, гараж чист, ничто не украдено. Сварщик сгорел в своей машине, как и два предыдущих: могильщик Кинэйр — во дворе, продавщица зажигалок Рози Фэй — в киоске у станции, тоже в понедельник, две недели назад.

Пресса дала прозвище через сутки. «Второй Огонь». Первая полоса «Стандарда»: «Лондон горит снова. Где Спичка?»

Лео сидел на оперативке и слушал, как начальник отдела, суперинтендант Мёрфи, барабанит пальцами по столу:

— Мы три года тушим бумагу, — сказал Мёрфи. — Скажем людям, что Спичка мёртв. Теперь они думают, что он не мёртв. У вас есть что-то, Грей?

— У меня есть список, — сказал Лео.

Он развернул перед Мёрфи лист. Могильщик. Продавщица зажигалок. Сварщик.

— Эти трое связаны между собой? — спросил Мёрфи.

— Нет. Но они связаны с делом Спички. Каждый из них так или иначе работал на пожарах. Могильщик вытаскивал тела. Продавщица, значит, продавала то, чем жгут. Сварщик — чинил машины. В том числе, возможно, фургон Спички.

Тишина в комнате стала вязкой.

— Кого ещё? — спросил Мёрфи.

— Пока не знаю. Но кто-то вычёркивает людей из списка. По одному. По понедельникам. Значит, список у него есть. Полный. Значit, он знает дело Спички так, как знал его я.

— Или как знал кто-то ещё, — сказал Мёрфи.

— В деле было семеро, — сказал Лео. — Свидетелей, специалистов, людей с отягчённой осведомлённостью. Двое умерли своей смертью. Один уехал. Четверо — живы. Сегодня понедельник, сэр. Значит, у нас шесть дней.

Он сложил список и вышел из оперативной. В коридоре его ждала Соня — с картой.

— Я построила, — сказала она. — Смотрите.

На карте Лондона светились четыре красные точки: киоск Фэй, двор Кинэйра, гараж Доуэра — и один огонёк, не имеющий отношения к преступлениям: участок.

— Все три места убийства, — сказала Соня, — лежат вокруг участка. В пешей доступности. Преступник не использует транспорт, Лео. Он ходит. Ночью.

— Или живёт тут же, — сказал Лео.

— Или, — сказала она тихо, — не живёт тут же, но знает здесь каждый двор. Каждую камеру, каждый слепой угол.

Он посмотрел на карту. Огонёк участка — в самом центре. Как жучок в центре спила дерева.

— Соня. А где вы жили до этого? До отдела?

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что вы знаете этот район. Вы взяли карту без

поиска. Вы сразу построили радиус. Люди, которые не знают района, начинают с транспорта.

Она выдержала паузу — ровно столько, сколько нужно, чтобы ответ казался простым:

— Я выросла в Лондоне, Лео. Как и вы.

— Где именно?

— Тихая улица, — сказала она и улыбнулась снова.

Он улыбнулся в ответ, и у обоих улыбки вышли аккуратными. А в мозгу Лео, в самой глубокой его складке, шептал голос, которого он не слышал: «Спроси, где она была в ночь убийства Рози Фэй. Спроси. Спроси».

Он не спросил. Он всё ещё думал, что умеет читать людей.

Глава пятая. Серое пальто

В его участке на вешалке висело серое пальто. Вешалку ставили лет десять назад, под неё завели семь крючков, и семь человек вешали на неё разные пальто. Лео вешал своё — серое, шерсть, пуговицы обшиты. Он думал, что оно единственное серое. Пока в четверг, возвращаясь с оперативки, не увидел на соседнем крючке второе — точно такое же. Тот же крой. Тот же цвет, чуть темнее, как будто одна из двух вещей побывала в дыму.

— Чьё? — спросил он у вахтёра.

— Не знаю, сэр. Висит уже две недели.

— Проверьте по камере. Кто его повесил.

Камера над вешалкой не работала с осени. «Ремонт на складе». Лео снял с крючка чужое пальто, перевернул — на подкладке, у ворота, не было ничего: ни бирки, ни инициалов, ни химчистки. Пальто как пальто. Голое пальто.

Он повесил его обратно и вышел на улицу. Ветер толкал его в спину. У столба, напротив выхода, стояла Соня — с двумя бумажными стаканами.

— Кофе? — спросила она.

— Там ромашка?

— В одном ромашка, — сказала она. — В другом — эспрессо. Я забыла, который вам по утрам.

— Термос, — сказал Лео, беря стакан. — Вы же сами дали

термос.

— Дала, — кивнула она спокойно. — А сегодня забыла наполнить. Забываю, когда плохо сплю.

— Вы плохо спите?

— Всю жизнь, — сказала она легко, и её голос был ровен, как стеклянная полка. — С детства.

Она ушла в здание. Лео стоял и смотрел ей в спину — на серую кофту, на узел волос — и вспоминал: «Я просто радуюсь, что вы вообще просыпаетесь». Она сказала это в ноябре, когда он пришёл на работу с чужой кровью на манжетах — нет, с чем-то тёмным, похожим на кровь. Она не испугалась. Она спросила: «Вы опять не спали?» — и принесла термос.

Ещё тогда, в ноябре, его удивило слово «опять». Он не рассказывал ей про ночи. Никому не рассказывал, кроме Коллинз.

Коллинз.

Лео снял трубку и набрал номер участкового психиатра — по средам и пятницам, от неё, от обязательной программы поддержки персонала. Он не собирался идти к ней. Он собирался спросить.

— Доктор Коллинз? Это Грей. Детектив-инспектор Грей. У меня вопрос.

— Задавайте, — голос у неё был спокойный, профессиональный, чуть бархатный.

— В моей крови — не должно ли быть того, чего там не должно быть? — он сам не понял, как вышло так криво. —

То есть… я не помню ночей, доктор. И я просыпаюсь в чужих пальто. И я не могу вспомнить, когда в последний раз это началось. Может ли это быть… не от меня?

Пауза на том конце была короткой и очень точной, как линейка.

— Приходите завтра в девять, — сказала Коллинз. — Я хочу взять у вас анализ.

— Вы не ответили.

— Завтра и отвечу, Лео. Только не пейте сегодня ничего. Ни чаю, ни кофе, ни алкоголя.

— Почему?

— Потому что я хочу чистый образец, — сказала Коллинз и положила трубку.

Лео стоял с бумажным стаканом в руке. Эспрессо или ромашка. Он понюхал — ромашка. Уже остывший, глухой, чуть горьковатый запах — как и всегда.

Термос, который она дала, остывал за два часа.

Он выпил. До конца.

Глава шестая. Пять рукописей

Ночь на пятницу Лео провёл в участке — официально, с разрешения Мёрфи, по делу о потерянных восьми часах. Он вёл тетрадь. Он назвал её «Руки» и писал всё, что вспоминал перед сном, после сна, в перерывах между.

Страница первая: «Проснулся на парковке у Тоттенхэм-Хейл. В волосах — палёное. На перчатке — пятно. Не знаю, чьё».

Страница вторая: «Проснулся у задней двери собственного подъезда. Ключи — чужие. Выбросил. Не помню, куда».

Страница третья: «Проснулся в чужом пальто. На подкладке нет ничего. В кармане — чек. Не помню, как он там оказался».

Страница четвёртая: «Проснулся у реки. В кармане — зажигалка с гравировкой „М. Грей“. Она сгорела три года назад в фургоне на Гринвич-роуд. Её не было. Теперь она есть».

Страница пятая: «Проснулся без сна. Я не спал. Я знаю, что не спал, потому что слышал, как в четыре утра по Кентиш-Таун прошла полиция, потому что я дописал отчёт, потому что…»

Он перечитал пятую страницу и не понял её. Она была написана не его почерком. Или его почерком — но в состоянии, которого он не помнил. Буквы стояли ровно, аккуратно,

как отпечатанные, — не спеша, не злобно, а как будто кто-то вёл протокол ночи.

Он закрыл тетрадь. В дверь постучали. Соня.

— Вы ещё не спите?

— Я ещё не сплю.

— Я принесла… — она подняла стакан, — ромашку. И сводку. И ещё — одну вещь. — Она положила на стол лист. — Утром звонила вдова Доуэра. Она сказала, что муж за неделю до смерти стал забывчивым. Не помнил, где машина, где ключи. Ходил, как во сне. Она думала — стареет. Он был на двенадцать лет моложе вас, Лео.

— Забывчивый, — повторил Лео.

— Забывчивый, — сказала Соня. — Как будто кто-то…

— …выжигал в нём дыры, — закончил Лео.

— Как будто кто-то строил стену, — сказала Соня. — За которой скрывал правду. От самого себя.

Они посмотрели друг на друга. Свет лампы падал на её лицо — гладкое, непроницаемое, как обложка. Лео вдруг подумал, что если снять с лица человека этот покров, то под ним может оказаться не лицо, а схема.

— Спите, Лео, — сказала она тихо. — Правда. Спите.

— Я боюсь просыпаться, — сказал он.

— Знаю, — сказала Соня. — Но тело не спрашивает. Тело делает то, что должно, — даже когда ты не смотришь.

Это была первая фраза, которую он потом — очень скоро — вспомнит как самую страшную в его жизни. Она сказала

её тогда — буднично, как прогноз погоды.

Глава седьмая. Соня

У Сони Рейн была квартира на Элберон-стрит — маленькая, с одной комнатой, с окном во двор, где всегда стояла тень. На комоде, у зеркала, стояла фотография в простой деревянной рамке: мужчина в форме пожарного. Снимок был старый, и стекло на нём было протёрто по углам — как будто его часто держали в руках.

На рамке лежал конверт. Конверт лежал лицом вниз.

Соня сняла пальто, повесила его на крючок у двери — рядом, на соседнем крючке, висело второе, точно такое же серое, — и села за стол.

На столе у неё был ноутбук, аккуратный, как будильник, и чистый лист бумаги. Она открыла ноутбук и запустила таблицу.

Таблица была длинной. В первой колонке — даты. Во второй — улицы. В третьей — имена. В четвёртой — одно слово, всегда одно и то же: «жёлтый».

Она прошлась по списку. Кинэйр — жёлтый. Фэй — жёлтый. Доуэр — жёлтый. Дальше шли четыре имени. Она поставила отметку возле первого из них.

Потом встала, подошла к окну, отодвинула занавеску и посмотрела вниз, во двор, где всегда стояла тень.

Внизу, у стены, стоял мужчина. Высокий, в сером пальто, воротник поднят. Он не смотрел вверх — он смотрел на

дверь её подъезда.

Соня не испугалась. Она закрыла занавеску, вернулась к столу и дописала в четвёртую колонку ещё одно слово. Не «жёлтый».

«Почти».

Потом она сняла трубку и позвонила — не в участок, не в скорую, не в пожарную. Она позвонила на номер, который был записан у неё в блокноте на первой странице, в самом верху, старым почерком, аккуратными буквами: «Уоркинг-стрит. Девять».

Телефон прозвенел трижды. Затем — короткий, дрожащий, стариковский голос:

— Да?

— Это Рейн, — сказала Соня.

— Джи, — сказал голос. — Опять ты, девочка.

— Опять я. Он сегодня выпил ромашку.

— Значит, он не увидит ничего до утра, — сказал голос и вдруг кашлянул, и кашель этот был долгий, разрушенный, как у курильщика с сорокалетним стажем. — А утром?

— Утром он вспомнит то, что я ему оставлю, — сказала Соня. — Не больше. Слышите? Не больше. Я держу его в руках, как маятник. Право, не больше.

— Слушай, Рейн, — сказал голос, старый, дрожащий, трухлявый, — а тебе не страшно?

— Мне страшно с шести лет, — сказала Соня. — Я уже наслышана.

Она положила трубку и выключила свет. В темноте её лицо не было видно. Было видно только, как в окне, в отражении, мигал фонарь с Гринвича.

Глава восьмая. Завтра в девять

Утро понедельника пришло в Лондон туманом — таким, какой бывает не в городе, а в голове. Лео проснулся у себя дома, в своей постели, в своей пижаме — и это было ново, и это было странно. Четыре недели он не просыпался дома.

Он сел. Посмотрел на тумбочку. Термос стоял на ней — тот самый, стальной, синий, с царапиной на крышке. Но он не брал его с собой в ночь. Он не выходил из дома. Он это знал так же ясно, как знал своё имя.

Термос не мог прийти сам.

Он открыл крышку. В термосе был кофе — горячий, крепкий, свежий. Запах ударил в нос и будто бы стянул пол под ногами.

Он не пил. Он не вылил. Он поставил термос на кухонный стол, сел напротив и смотрел на него, как на подозреваемого.

Телефон завибрировал. Коллинз.

— Лео, — сказала она, не здороваясь. — Я взяла ваш анализ вчера. Он чистый.

— Я знаю.

— Нет, Лео, ты не знаешь. В нём ничего нет. Вообще ничего. Ни снотворного, ни алкоголя, ни следов. Но в твоей карточке, в истории за прошлый месяц, стоят два рецепта — на флюразепам. Один из них — твой, подписанный моей рукой. Второй — тот же, продублированный, и на нём стоит

чужая подпись. Она от моего имени. Но это не я выписывала второй рецепт.

— Кто?

— Это я и хотела выяснить, — сказала Коллинз. — Поэтому я пошла в архив. Лео, слушай меня. В деле твоей семьи — в родном, о фургоне на Гринвич-роуд — есть лист, который никто не подшивал в основную часть. Он лежит отдельно, в ящике, под чужой этикеткой. Я его видела вчера. Лео, там список. Семь имён. И рядом с каждым — дата. Даты идут по понедельникам.

— Кинэйр, — прошептал Лео.

— Кинэйр первый. Фэй второй. Доуэр третий. Лео, там четвёртое имя. Оно ещё не сгорело. Оно ещё живо. И это — —

Линия умерла. Не обрывом — просто сухой тишиной, как будто на том конце кто-то снял трубку и опустил её на стол.

Лео набрал номер снова. Занято. Ещё раз. Занято. Он набрал третий, четвёртый, — и на пятый раз линия ожила, и чужой, спокойный голос — не стариковский, не женский, — сказал:

— Доктор Коллинз выйдет на связь позже. Она немного… задерживается.

— Кто вы?

— Тот, кто держит часы, — сказал голос. — Лео, ты хороший детектив. Ты уже почти у двери. Только, чёрт возьми, дверь не та. Приходи завтра в девять, как договаривались.

Только не к Коллинз. Приходи к нам. Мы всегда рады.

Линия оборвалась.

Лео сидел за кухонным столом напротив термоса. Свет из окна лежал на его руках — и на руках, он вдруг заметил это только сейчас, был загар. Ровный, свежий, как от долгой прогулки под солнцем. Он не был на солнце с июня.

Он встал, подошёл к термосу, налил кофе — одна чашка, вторая, третья — и вылил всё в раковину. Потом взял термос, отнёс в лабораторию и попросил сделать анализ.

Лаборант позвонил ему через час.

— Детектив, в вашем термосе — ромашка, — сказал лаборант. — И флюразепам. Терапевтическая доза. Как у вас дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.